

18+

Саша Игин

КАКАО ДЛЯ ДВОИХ

Рассказ,
написанный какао и верой

Саша Игин

**Какао для двоих. Рассказ,
написанный какао и верой**

«Издательские решения»

Игин С.

Какао для двоих. Рассказ, написанный какао и верой / С. Игин —
«Издательские решения»,

Никита остался один за старым кухонным столом. Его друг Сашечка уплыл за горизонт вслед за любимой — туда, где вода становится тёплым молоком, а воздух пахнет шарлоткой. Но каждое утро на столе ждут две кружки какао, а в синий почтовый ящик уходит письмо самой Джульетте. Верить или не верить в дельфинов? И что важнее — правда или надежда? Рассказ о том, как любовь не тонет, а вера пахнет апельсинами.

© Игин С.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1. Стол, который помнит слёзы	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Какао для двоих

Рассказ, написанный какао и верой

Саша Игин

© Саша Игин, 2026

ISBN 978-5-0070-4878-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Иногда горизонт пахнет хлебом. Это значит — кто-то всё ещё верит.

Прежде чем начать — налейте две кружки какао. Одну — себе. Другую — тому, кто не вернётся.

Эта история не для громких слов. Она для тех, кто когда-нибудь не вытирал пенку с верхней губы.

1. Стол, который помнит слёзы

На столешнице остались следы. Не от ножа — от локтей. Два тёмных полукружья, введшихся в дерево, будто кто-то часами сидел, обхватив голову руками, и не мог поднять лица. Третий след — от кружки. Тонкое кофейное кольцо, которое никто не вытирал уже полгода, потому что Никита боялся стереть что-то важное. Что именно — он не мог объяснить. Может быть, память. Может быть, присутствие того, кто больше не сидит напротив.

Он провёл пальцем по одному тёмному пятну. Потом по другому. Дерево под пальцами было тёплым — отопление работало с перебоями, но старый стол хранил тепло как-то по-своему, по-живому. Бабушка когда-то говорила, что дерево помнит всё: каждую каплю пролитого чая, каждую крошку, каждое прикосновение. Никита тогда смеялся. Теперь — нет.

Стол был старый, кухонный, доставшийся от бабушки. За этим столом ели гречневую кашу с молоком, размазывая её по тарелкам и слушая радио, которое шипело на средних волнах. За этим столом плакали над вычитанными стихами — особенно над теми, где кто-то уходил и не возвращался. За этим столом Сашечка — тот, другой Саша, которого весь двор называл уменьшительно-ласково, будто боясь спугнуть, — писал письма. Но не дописывал. Никогда.

Никита (теперь он остался единственным, кто помнил Сашечку не в письмах, а вживую — не считая почтальона, но, тот был толстый, весёлый и совершенно не поэт, он носил газеты и квитанции, а стихи называл «бумажной ерундой») поставил на стол кружку. Какао. Густое, сладкое, с шапкой пенки, которую он специально не размешал до конца, потому что Сашечка любил сначала съесть пенку ложкой, а только потом пить. Такой маленький ритуал. Ритуал — это когда делаешь что-то не потому, что надо, а потому что иначе мир треснет.

За окном февраль кусал стёкла мелкой крупой. Снег не падал — он висел в воздухе, как вопросы, на которые нет ответов. Но в комнате пахло ванилью и старыми книгами. И ещё чем-то неуловимым — апельсинами. Последние апельсины Никита купил три дня назад, но запах остался, въелся в шторы, в скатерть, в воздух. Он не мог объяснить, почему апельсины пахнут именно надеждой. Они просто пахли.

Он открыл ящик. Правый, тот, что скрипел. Достал конверт.

Не тот, который пришёл вчера — мятый, с синей печатью, с обратным адресом, написанным левой рукой (Сашечка всегда писал левой, и буквы наклонялись назад, будто отступали перед чем-то страшным). А другой. Чистый. Тот, что лежал на дне ящика три недели, потому что Никита никак не решался его надписать. Три недели он открывал ящик, смотрел на конверт, закрывал. Открывал — и закрывал. Рука не поднималась. Потому что написать «Джультетте» — это как признать, что Сашечки правда нет. Что он уплыл. Что не вернётся.

Но сегодня Никита понял: не написать — хуже. Не написать — значит оставить вопрос висеть в воздухе. А вопросы, которые висят слишком долго, превращаются в ржавчину. Ржавчина съедает сердце. Он не хотел ржавого сердца.

Он взял ручку. Синие чернила, тонкий стержень — Сашечка терпеть не мог такие, говорил: «Перо должно царапать бумагу, а не скользить по ней, как лыжник по насту». Но перьевой ручки у Никиты не было. Была только эта — дешёвая, с колпачком, который вечно терялся.

Чайник на плите вздохнул, как старый кот, и выключился. Пар тонкой струйкой потянулся к потолку, смешиваясь с апельсиновым запахом.

«Синьорине Капулетти Дж.» — вывел он. Крупно. С нажимом, будто от этого зависело, утонет ли конверт в море или доплывёт. Буквы получились неровными, корявыми — Никита никогда не умел красиво писать. Сашечка говорил: «У тебя почерк врача, который выписывает рецепт бессмертия». Это был комплимент. Никита тогда не понял. Теперь понимал.

Он написал адрес: «Верона, Италия. Синьорине Капулетти. Джульетте». Потом зачеркнул «Италия» и написал «Там, где живёт любовь». Потому что Сашечка всегда говорил: «Италия — это слишком узко для неё».

Конверт лёг на стол. Белый. Ждуший.

Никита отхлебнул какао. Пенка осталась на верхней губе, как детство. Он не вытер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.